

Особенности репрезентации национальной истории в белорусской литературе Young Adult

О.А. ЛИДЕНКОВА

Статья посвящена выявлению характерных особенностей репрезентации темы национальной истории в современной белорусской литературе жанра young adult. Молодежная литература, ставшая отдельным феноменом в последние десятилетия, несмотря на широкое разнообразие представленных жанров, отличается ярко выраженными общими стилистическими чертами в интерпретации темы исторической памяти, которая в данных произведениях является одной из ведущих. Основное внимание уделено таким ее особенностям, как интертекстуальность, сосредоточенность на проблемах исторической правды, общественной иерархии, поиску объединяющей исторической концепции.

Ключевые слова: историческая проза, молодежная литература, интертекстуальность, аллюзия, дистопия, исторический миф.

The distinctive features of contemporary Belarusian young adult literature that has been developing rapidly in the last few decades are revealed. Youth literature, which has become a separate phenomenon in recent decades, despite the wide variety of genres represented, is distinguished by pronounced general stylistic features in interpreting the theme of historical memory, which is one of the leading ones in these works. Despite the great variety of genres, modern Belarusian literature shows similarities in threaten the concept of our national history. A lot of intertextual references point to the desire to save our close historical links to European cultural heritage. At the same time there is a definite shift in the perception of religion and social hierarchy if compared to the previous generations of writers.

Keywords: historical fiction, young adult literature, intertextuality, allusion, dystopia, historical myth.

Национальная история всегда играла заметную роль в произведениях белорусских писателей. На данный момент этой теме посвящены совершенно разные по своему характеру произведения. Это историческая, историографическая, новоисторическая проза, где преобладает то романтико-мифологизирующее, то интеллектуальное, эпическое, детективное или авантюрно-приключенческое начало. Есть как самостоятельные произведения (В. Короткевича, В. Орлова, К. Тарасова, О. Ипатовой и др.), так циклы и серии (Л. Дайнеко, Л. Рублевской), рассчитанные на вкусы совершенно разных категорий читателя. Заметным явлением последнего десятилетия стало возникновение нового поколения совсем молодых писателей, в творчестве которых именно тема исторической памяти народа играет ведущую роль. Это К. Шталенкова, З. Каминская, А. Длатовская, Е. Асноревский, М. Кутузов и др. Не в последнюю очередь это заслуга минской «Школы молодого писателя», выпускниками которой являются многие молодые авторы, и одним из наиболее заметных преподавателей которой является Людмила Рублевская – известный прозаик и литературный критик.

Как справедливо отмечают критики, «Праблема большай часткі літаратуры для дзяцей і падлеткаў у тым, што аўтары зусім не адчуваюць як гэта – пісаць падлеткавую літаратуру [1]. Практически всем упомянутым авторам нет тридцати, и их произведения рассчитаны, прежде всего, на молодежную аудиторию, интересы и потребности которой они во многом разделяют. В «Губернскім дэтэктыве» К. Шталенковой или «Гене зямлі» А. Длатовской вчерашний школьник найдет достаточно много деталей, тривиальных с точки зрения критика-литературоведа, но близких и понятных для себя. Иронизирование над содержанием школьной программы, например, видно в скуке, которая одолевает жительницу Минской губернии панну Пракшину при чтении модного «современного» романа «пра крывавае забойства», который «цалкам расчараваў, і больш за ўсё з-за бясконцых разважанняў і moralites, трываць якія не было ніякіх сіл» [2, с. 29]. Приблизиться к интересам читателя авторы стараются и через специфический юмор: «я была адчайна прыгожая: з распушчанымі валасамі. <...> У доўгай, да пят, беласнежнай кашульцы» [3, с. 15] Однако романтические фантазии шестнадцатилетней героини и ее отчаянное желание казаться взрослой встречаются с жестокой ре-

альностью ее отражения в зеркале: «Уся кашулька была ўсыпана маленькімі блакітнымі сабачкамі і костачкамі, якія былі перавязаныя банцікамі» [3, с. 15]. Можно заключить, что одна из главных целей нового поколения писателей – приблизить литературу к обычным людям и изменить стереотипное восприятие белорусскоязычных книг, которое уже сформировалось в сознании массового читателя. В недавнем интервью А. Длатовская вполне четко обосновала подобный подход: «Аўтарка не прэтэндуе на элітарнасць? Аліна адказала, што не прэтэндуе. «Я гэтага не саромеюся і не бачу тут нічога дрэннага. Калі я была маленькая і пачынала размаўляць па-беларуску ў восьмым класе, мне бракавала беларускамоўнага падлеткавага масліту пра нейкія падлеткавыя каханькі, загоны, а па-руску мне чытаць не хацелася. Вось на такое кола чытачоў я і прэтэндую» [4].

Несмотря на разнообразие представленных жанров и подходов к исторической теме (а практически ни одно из произведений наших новых авторов нельзя отнести к чистой исторической прозе), в текстах данных писателей можно проследить несколько общих черт в подходе к трактовке национального прошлого.

Во-первых, это создание ощущения включенности в современный культурный мейнстрим. К. Шталенкова в своей трилогии одновременно выступает как писатель, дизайнер и иллюстратор, создавая художественно и литературно целостное произведение, жаль не достигшее формата полноценного графического романа. В рассказе «Гульня слоў» З. Каминская использует популярный формат квеста и интерактивной настольной игры, чтобы погрузить читателя в реалии прошлой эпохи. Тексты молодых авторов насыщены аллюзиями, реминисценциями, цитатами, источниками которых в равной степени являются как белорусские, так и зарубежные произведения. Например, в трилогии К. Шталенковой «Адваротны бок люстра» легко угадывается формула историко-приключенческих произведений массовой культуры: тайный орден, охраняющий магический артефакт, и зашифрованные дневники целиком выдержаны в стилистике популярных книг Дэна Брауна. Пара подростков путешествующих во времени, девочка с талантом открывать порталы очень напоминают знаменитую трилогию Керстин Гир. Сверхспособности героев (телепатия, общение с духами, психометрия), равно как явные элементы дистопии в «Гене зямлі» А. Длатовской находится в полном соответствии с жанровыми канонами современной литературы young adult. Электронный дискурс, комикс-культура проявляются на разных уровнях в произведениях З. Каминской, М. Кутузова. Даже сама идея национальной идентичности в книге А. Длатовской (вполне в духе какой-нибудь популярной вселенной DC) превращается в загадочную вакцину: «Ён шукаў нататнік. З формулай. Я так зразумеў, гэта нейкая «вакцына беларускасці» [5, с. 22]. Сама же Беларусь и, в особенности, белорусский язык становятся отдельными действующими лицами и источниками суперсилы: «Беларуская мова абуджае ў некаторых людзях нешта такое <...> Звышнатуральнае, <...> цяпер наша краіна вынайшла іншы спосаб абараніць сябе» [5, с. 19].

Стоит отметить, что интертекстуальность в целом характерна для белорусской исторической прозы. Достаточно вспомнить, что и ставшее классикой «Дзікае паляванне караля Стаха» В. Короткевича не раз сравнивали с «Собакой Баскервиллей» А. Конан Дойла. Много универсальных элементов вобрали в себя исторические детективы М. Адамчика, М. Климовича, С. Балахонова. Написание поддельной священной книги, которую ее автор собирается выдать за апокриф из «Забойства на каляды» М. Адамчика, очень близко проблематике романов У. Эко «Принцип немотивированного убийства», чтобы скрыть настоящее – прием, популяризированный еще Г.К. Честертоном и А. Кристи. Практичный следователь Сокол, который отвергает сложные политические и идеологические мотивы убийства в пользу банальной корысти, словно сошел со страниц детективов К. Чапека: «а я дык ведаю дакладна, што чалавек ідзе на злачынства або з-за грошай ці іншага матэрыяльнага інтарэсу, – следчы пачаў загінаць пальцы» [6, с. 37].

Одновременно осовремениваются и получают новое развитие многие классические темы белорусской исторической прозы. Например, традиционно главным фактором продвижения национальной идеи считается белорусский язык. В творчестве молодых авторов вопрос языка в осмыслении судеб своих предков зачастую оказывается центральным: «Я калі чытаў

пра іх, рэпрэсаваных пісьменнікаў, не разумеў, навошта яны пісалі. Мова не тое каб папулярная. Яшчэ нацыяналістам назавуць. Не надрукаваць нічога. Навошта? Навошта гэтыя словы?» [7, с. 103]. Полноправным персонажем становится язык в рассказе М. Малявко «Адшукаць мову». Языковая проблема рассматривается здесь со всех возможных сторон и – что не редкость в современной белорусской литературе – приобретает метафорически-мистическую окраску. В тексте язык становится сначала сокровищем, которое, словно сказочный злодей, ревностно оберегает префект: «Але прэфект трымаў мову пад замком, не падпускаў вучня да яе. Відаць, крыўдаваў, што гэтаму ўбогаму хлапчуку мовы так лёгка даюцца, што такія спагадныя яны да яго – самі клічуць да сябе» [8]. Одновременно «мова» – жертва политической борьбы и человеческих слабостей: «Тады яму было шкада сябе, а зараз – мову. Як яна там была, пакінутая? Мове нельга надоўга заставацца ў адзіноце. Яна загіне. І тады ўжо ніхто не даведаецца, што яна значыць і як яе чытаць» [8]. И в то же время она – высшая сила, которая наделяет избранника непостижимым для непосвященных знанием: «“Так... Мовы самі знаходзяць мяне”. Ён іх выбранец, адораны іх любоўю» [8].

Однако современные авторы не ограничиваются только проблемой национального языка, но значительно расширяют спектр возможностей для популяризации белорусской идеи. А. Длатовская в «Гене зямлі», как отмечает Н. Грищук, на первый план выводит влияние на молодежь и ее понимание национальной идентичности самых простых проявлений массовой культуры – текстов песен, самых банальных сувениров и одежды с орнаментом.

З. Каминская опровергает «болотный» белорусский стереотип через красоту искусства – картины А. Киш, которые дарят людям мечты о счастье, а стране – величие: «Я ў вас знайшоў «Сусветную энцыклапедыю наўнага мастацтва», міжнароднае выданне. Русо, Пірасмані, а ад нас – Киш. Уяўляеш, які гонар? Адзіная прадстаўніца сваёй краіны. Калі б не яна, мо Беларусь бы і не згадалі» [9, с. 36].

При этом стоит отметить уход в творчестве молодых авторов от традиционно важной для белорусской исторической прозы религиозной темы. Достаточно вспомнить насколько значимая роль религиозным мотивам, будь то единая христианская вера или многообразный язычески пантеон, отводилась в творчестве О. Ипатовой, В. Ковтун, В. Чаропко и других. Консолидирующая или наоборот деструктивная сила сакрального – от суеверия до опасного заблуждения, даже фанатизма – нередко является одним из основных мотивов исторических детективов М. Адамчика, М. Климовича, С. Балахонова: «маюць прытась апаскудзіць сьвятое... Мста!Мста!Мста!» [10, с. 119]. Ничего подобного нельзя увидеть в произведениях молодого поколения, даже сила крестика которой изгоняет русалок героиня Каминской, по сравнению с влиянием на судьбы персонажей «дываноў» Киш, больше ощущается как дань конвенциональным изображениям изгнания нечистой силы, по сравнению с той смыслополагающей ролью, которую религиозный дискурс играет у более старшего поколения.

Заметным отличием между писателями, рассматривающими тему исторического пути Беларуси, становится трактовка темы власти и права на власть которая остро стоит в произведениях писателей более старшего поколения: В. Орлова, Л. Дайнеко В. Чаропко и других. Если даже обратиться к популярным зарубежным циклам в данной тематике, легко заметить, насколько большую роль в них играют вопросы социального положения, будь то фэнтези, дистопии или просто школьная драма о жестких иерархических структурах внутри подросткового коллектива. Как отмечает исследователь и журналистка Карен Велби, «today's Y.A. best-seller lists are thick with kings, queens» [11]. Сюжеты о кровавой борьбе королевских домов занимают такой большой процент молодежной литературы именно потому, что в художественной форме отражают близкую и знакомую подросткам по собственному опыту реальность поиска своего места в установленной кем-то иным общественном строе: «chosen genre mirrors the social drama and painful clashes at her private school. The power games played out in small, petty ways in high school are present in these novels on a grand, political scale» [11]. Отечественные молодые авторы либо вовсе не озабочены властными темами, либо эти темы представлены очень слабо. Проблеме «Хто яны: гаспадары ці паслухмяныя выканаўцы чыёйсьці невядомай волі?» в трилогии Шталенковой посвящена одна эта фраза на первой стра-

нице, дальше эта тема не является хоть сколь-либо значимой, и сама автор описала свое произведение как «кнігу для падлеткаў, дзе няма абсалютна нічога правакацыйнага» [12].

Ли Бардуго, известная автор молодежных бестселлеров, говорит что цель большей части литературы young adult – помочь подросткам адаптироваться к острой конкурентной борьбе, которая ожидает во взрослой жизни: «There is ample room for darkness in these books. But they preach resilience. They read like survival guides» [11]. Мрачная эстетика с гнетущей атмосферой, элементами ужаса и готики, бескомпромиссная борьба героев за выживание находит отклик в обостренном, драматичном восприятии реальности, свойственной подростковому сознанию, что и выражается зачастую в интересе к темной стороне окружающей действительности и ощущении, что незначительная с точки зрения взрослого человека ситуация является вопросом жизни и смерти: «“Fantasy novels give this illusion that the stakes are as high as they feel when you’re a teenager,” said Leigh Bardugo, “But I think for teenagers they actually are that high. I think you really are dealing in a world of tremendous cruelty and intensity, and Y.A. gives truth to that”» [11].

Всего этого мы не видим у молодых белорусских авторов. Формально являясь антиутопией, «Ген зямлі» поражает той легкостью, с которой герои добиваются успеха в борьбе против жестокой репрессивной организации: «Двайное жыццё дазваляла Прытулку функцыянаваць. У яе былі грошы, каб забяспечыць усім неабходным тых, каму давалося кідаць мінулае ды хавацца пад зямлю» [5, с. 112]. Стремление аккуратно и без лишних потерь подогнать все сюжетные линии под желательный финал, позволяют некоторым читателям вполне справедливо охарактеризовать подобную тенденцию «Готыка ў сіропе» [13].

Настоящей проблемой основным движущим посылом и основой конфликта для наших авторов является поиск правды и протест против фальши – в жизни, отношениях, эмоциях и реакциях.

Внимание к истинности имени – один из аспектов этой проблемы. Еще в романе «Імя грушы» один из героев, оказавшийся затем убийцей, меняет белорусскую фамилию: «Александровіч» на «Александров», у К. Шталенковой в «Кривавых дукатах» худшие качества стереотипного чиновника воплощает губернский секретарь Дзятлік, который упорно настаивает на форме своей фамилии «Дзятлікаў», чем вызывает насмешки остальных персонажей в отношении местных жителей, которые угодливо «спяшаюцца дадаць да прозвішчаў рускія канчаткі» [2, с. 42]. Имена во всех этих случаях в контексте произведений – наглядная иллюстрация конфликта исторических мифов истинных и ложных а также надежда на то, что мы сможем отделить одно от другого.

Признак настоящей смелости для героев – мужество говорить правду, в том числе о своих чувствах и мотивах: «Але для таго, каб сказаць гэта, трэба было мець значна больш смеласці, чым для таго, каб ісці супраць цэлай Сістэмы» [5, с. 113]. Из этого следует максимализм в требовании искренности отношений: «Ён бы хацеў сказаць <...> Дзякуй за тое, што, якім бы ён ні быў жорсткім, прынцыповым і патрабавальным, ён заўсёды быў з сынам шчырым, у адрозненне ад падманліва мяккага, эгаістычнага хроснага» [5, с. 113]. Остро стоит вопрос справедливости в смысле исторической оценки событий: «Ці вось гэтая Кіш: ты казаў, што пры жыцці яна амаль жабравала, а цяпер застанецца навечна ў памяці. Мо справядлівасць жыве недзе там, насуперак зямному» [9, с. 36]. Произведения С. Балахонова при всей присущей им ироничности и отсутствия конвенционального пиетета перед культурными авторитетами сосредоточены на борьбе между правдой кажущейся и настоящей, реальностью и субъективным ее восприятием, что ярко демонстрирует его «роман в трех мемуарах», где три очевидца совершенно по-разному воспринимают одни и те же события. Сатирическое представление ложных мифов в творчестве писателя проявляется в том числе через обыгрывание конвенционального патриотического дискурса, который на поверку оказывается на уровне местечковых любительских теорий: «Ён быў перакананы ды імкнуўся давесці іншым, што словы “Гамэр” і “Гомель” аднакарэнныя» [10, с. 55]. Безосновательность подобных теорий, тем не менее, эффективна в создании ложного мифа о величии страны, ведь и «Иллиада» и «Одиссея» написаны на «старажытных дрыгавіцка-радзіміцкіх дыялетах» [10, с. 56]. Окончательное торжество веры над фактами происходит в третьей части романа в образе самозванной жрицы-актрисы Ирены, в больном сознании которой идея кривичской концепции доходит до стадии параноидального шизофренического бреда: «Праўдзівы дух крэваў не згіне

<...> бо мёрты дом дойдіды стаўляюць, і будуць туды вятры з бакоў чатырох дзьмуці, і Зюзя дубінаю сваёю страху скідаць будзе» [10, с. 119].

Вариант этой темы – ситуация, когда случайный подлог, обусловленная чисто личными мотивами фальсификация становятся много позже главным аргументом в выкладках историков, а легенда обретает силу правды, появляется, например, в романе «Забіць нягодніка» Л. Рублевской, рассказе «Сцэнар смерці» М. Климковича.

Из приведенных примеров следует, что мотив поиска истины строится на парадоксе уверенности в ее существовании и одновременном признании крайней субъективности человеческого восприятия. «Усё ж такі гэта было даўно. Мабыць, нешта зацёрлася, як на старым дыску? Мабыць, чалавечая свядомасць недастаткова дасканалая, каб правільна ўспрымаць гістарычныя падзеі?» [5, с. 31].

Часто этот же мотив появляется в контексте противостояния различных идеологических точек зрения, сложности вынесения однозначных оценок в отношении многих событий и личностей белорусской истории: «Паслухай, я не апраўдваю яго. Я ўсяго толькі хацела паказаць, што ў беларускай гісторыі ёсць і такія людзі, як Іван Пуліхаў <...> Неадназначныя. Мы павінны захоўваць памяць пра іх таксама. Мы не маем права абіраць, што памятаць, а што не, як спрабуе зрабіць «С.О.Н.» [5, с. 36].

Таким образом, в произведениях современного поколения белорусских писателей историческое прошлое продолжает играть одну из первостепенных ролей. Продолжая исследовать и развивать некоторые традиционные для отечественной литературы мотивы (проблему национального языка, включенности Беларуси в европейский исторический и культурный контекст) молодые авторы смещают акценты (с вопросов иерархии к проблеме исторической правды), расширяют круг затрагиваемых тем, открывают новые, актуальные аспекты культурной истории, утверждают невозможность сложившихся однозначных исторических концепций.

Літаратура

1. Шталенкова, К. Адваротны бок люстра [Электронны рэсурс] / К. Шталенкова // Livelib – сайт о книгах. – Рэжым доступу : <https://www.livelib.ru/review/711511-advarotny-bok-lyustra-kseniya-shtalenkova> – Дата доступу : 12.11.2019.
2. Шталенкова, К. Губернскі дэтэктыў. Справа аб крывавых дукатах / К. Шталенкова. – Мн. : Кнігазбор, 2017. – 216 с.
3. Шталенкова, К. Адваротны бок люстра / К. Шталенкова. – Мн. : Мастацкая літаратура, 2016. – 382 с.
4. Дварэцкая, А. «Пункт адліку» ў Школе маладога пісьменніка [Электронны рэсурс] / А. Дварэцкая. – Рэжым доступу : https://lit-bel.org/news/Punkt-adlku--Shkole-maladoga-psymennika-FOTAGALEREYa-8210/?sphrase_id=241448. – Дата доступу : 19.10.2019.
5. Длатоўская, А. Ген зямлі: апавесць / А. Длатоўская. – Мн. : Кнігазбор, 2017. – 131 с.
6. Адамчык, М. Забойства на каляды: апавесць, апавяданні / М. Адамчык. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1994. – 126 с.
7. Камінская, З. Гульня словаў / З. Камінская // Дзеяслоў : літаратурна-мастацкі часопіс. – 2016. – № 4 (83). – С. 94–104.
8. Маляўка, М. Адшукаць Мову [Электронны рэсурс] / М. Маляўка. – Рэжым доступу : <https://newbellit.wordpress.com/2016/04/26/марыя-маляўка>. – Дата доступу : 19.11.2019.
9. Камінская, З. Русалкі клічуць: апавесць / З. Камінская. – Мн. : Кнігазбор, 2017. – 107 с.
10. Балахонаў, С. Імя грушы : раман, апавяданні / С. Балахонаў. – Мн. : Логвінаў, 2005. – 226 с.
11. Valby, K. Why have novels about royalty stormed the Y.A. best-seller lists? [Electronic resource] / K. Valby. – Mode of access : <https://www.nytimes.com/2019/07/19/books/review/ya-novels-royalty-best-sellers.html>. – Date of access : 28.10.2019.
12. Студэнтка ЭГУ замахнулася на гістарычную трылёгію [Электронны рэсурс] // Generation. Штодзённік пакалення Y. – Рэжым доступу : <http://generation.by/news5258.html> – Дата доступу : 12.11.2019.
13. Рублеўская, Л. «Дагератып» [Электронны рэсурс] / Л. Рублеўская // Livelib – сайт о книгах. – Рэжым доступу : <https://www.livelib.ru/review/1051909-dageratyp-lyudmila-rubleskaya> – Дата доступу : 12.11.2019.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 22.11.2019

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ